

Страницы истории

**ВКЛАД Н.Н. ГОЛУБЕВА
В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ НАУКУ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

Н.В. Щербак ова *

В 1994 году исполняется 190 лет Демидовскому юридическому лицу (впоследствии – Ярославский университет). Одним из известных и ярких его преподавателей был Николай Николаевич Голубев.

Имя Н.Н. Голубева почти не известно современному читателю, хотя творческое наследие ученого велико. Это такие фундаментальные труды, как "Международные третейские суды XIX века" (1904 г.), "Международные конгрессы и конференции" (1905 г.), "Международные административные комиссии" (1908 г.), многочисленные научные статьи по методам исследования, вопросам кодификации, системе международного права.

Для раскрытия сущности важнейших институтов международного права необходимо обращение к их истории, и, видимо, не случайно одним из главных методов исследования Н.Н. Голубев избирает исторический. В монографии "Международные конгрессы и конференции" автор задается целью "подметить постепенное развитие этого института на протяжении тысячелетия"¹.

Ученый, анализируя и обобщая богатейший исторический материал, ищет в нем юридическое начало. Так, по его мнению, "первоначальные съезды князей и послов после решения судебных дел превращались с течением времени в законодательные и правительственные съезды до тех пор, пока народы не соединились в одно централизованное государство"². Поскольку первоначально содержание понятий "съезд", "конгресс" и "конференция" было иным, чем в последующие времена, разграничение старого и нового в этих категориях имело существенное значение. Н.Н. Голубев выступает категорически против трактовки содержания современных ему понятий съезда и конгресса профессором Ф.Ф. Мартенсом, полагая, что тот выводит признаки международных съездов и конгрессов из средневековья, а потому теория Мартенса выглядит анахронизмом³.

* Доктор юридических наук, профессор Ярославского университета.

По убеждению Н.Н. Голубева, конференциями в прошлые времена назывались "такие съезды представителей сюзерена и вассалов, на которых присутствовали в качестве посредников делегаты от нейтральных держав"⁴. Съезды "без словесных совещаний, когда подписывались условия окончательно установленного договора, обычно назывались конгрессами"⁵. Обозначение же съездов конференциями до конца XIX века встречалось редко, а на практике съезды именовались конгрессами, которые представляли, по описанию ученого, "механическое соединение двух враждующих сторон, победителя и побежденного, имеющих интересы прямо противоположные"⁶. Отличительной особенностью конгресса являлось неравноправие государств и соответственно их представителей, закрепленное в нормах права. Последние часто имели формальное значение.

Характерными особенностями старинных конгрессов, по мнению Н.Н. Голубева, являлись пустые формальности и обряды; споры об этикете, о председательстве, о порядке и первенстве подписи актов конгресса казались важными и затрагивающими авторитет щепетильных держав. При отправлении на конгресс пересматривались старые посольские дела, где выискивались прецеденты в отношении мест: как размещались послы на королевских пиршествах, на торжественных официальных собраниях, на соборах, на предшествующих конгрессах⁷.

Державы, главенствующие на конгрессах и конференциях, оставались, как правило, за пределами досягаемости права. Они даже устраивали свои особые совещания, на которых заключали между собой сепаратные договоры. Причем результаты подобных переговоров не подлежали обсуждению на собраниях с присутствием всех других государств, они только объявлялись. Тем самым государства делились на главные и второстепенные. Последним принадлежало всего-навсего право присоединения к установленным ведущими державами условиям соглашения.

Техника проведения международных съездов и конгрессов предполагала право главенствовать в этом процессе посредникам — весьма почетным и влиятельным людям. Однако с развитием культуры международного общения их роль заметно ослабляется и постепенно сводится к нулю. Исчезают также споры о рангах и церемониях.

Так ли важен этот, казалось бы, чисто терминологический спор? Думается, что строгость в применении того или иного термина в любой науке, не исключая и международное право, должна быть обязательным правилом. Точность есть принцип науки, а не только ее украшение.

И Н.Н. Голубев горячо отстаивает это принципиальное требование. Он утверждает как исследователь истории международного

права, что необходимо употребление новых терминов, поскольку термин "конгресс" потерял свое значение, будучи вытесненным словом "конференция", которое, в свою очередь, вытесняется термином "комиссия", лучше передающим факт совместной деятельности⁸.

Разделение на конференции и конгрессы имеет смысл главным образом в силу существенных процессуальных различий в их проведении. Не ограничиваясь определением и происхождением международно-правовой терминологии, Н.Н. Голубев дает характеристику современным принципам проведения международных форумов, в основном уже сложившихся к началу XIX века.

Первый признак проведения их – устные совещания, проводимые председателем и фиксируемые в протоколах; второй – подключение комиссий к подготовке отдельных вопросов; третий – установление алфавитного порядка рассаживания представителей государств (как свидетельство их равноправия), а также вотиrowания и подписи протоколов; четвертый – не только политический, но и социально-культурный характер обсуждаемых проблем; пятый – в силу равноправия государств участие стран не только Европы, но и других континентов⁹.

Ученый уделяет немало внимания международной деятельности новых государств, получивших равное право на участие в мировых форумах. На съездах представителей американских государств обсуждались важные для цивилизованного мира вопросы обмена научной информацией, покровительства литературной и артистической собственности, выдачи преступников. В целом Н.Н. Голубев дает высокую оценку инициативе молодых, только что освободившихся от власти Европы, государств Америки в сфере кодификации норм международного права. Кстати, он считал кодификацию "одним из лучших средств замирения государств"¹⁰. По убеждению ученого, комиссия юристов по кодификации должна стать постоянным законодательным собранием Америки.

Как юрист-теоретик Н.Н. Голубев в своем фундаментальном труде "Международные конгрессы и конференции" анализирует процессуальные нормы, в соответствии с которыми действовали представители различных государств, обсуждая важные вопросы международного сотрудничества. В связи с этим он ставит задачу определения их юридической природы "путем выяснения тех правил, на которых покоится соотношение между съездом и отдельными представленными на нем государствами и/или между этими последними и их делегациями"¹¹.

Для решения поставленной задачи необходимо было описать пределы власти съезда и делегаций участвующих в нем государств,

классифицировать функции съезда, произвести группировку вопросов, подлежащих рассмотрению. Н.Н. Голубев не пропускает ни малейшей детали в регламентации работы съездов. Он внимательно исследует практику их подготовки и проведения, начиная с рассмотрения процедуры соглашения о созыве съезда или конференции, его открытия и кончая вопросом о юридической силе их решений.

Н.Н. Голубев выступает здесь и в роли историка, и в роли юриста, и как теоретик, и даже как философ международного права. Поражает не только эрудированность, но и глубина мысли ученого, и умение привести в систему разрозненные факты.

Как бы ключом к пониманию практики международных съездов и конференций для Н.Н. Голубева является учение о суверенитете государств. Это же учение положено в основу его воззрений относительно взаимодействия норм международного и внутригосударственного права. По мысли Н.Н. Голубева, каждый член международного союза пользуется независимостью и суверенитетом, а норма международного права возникает вследствие формального соглашения государств. Отдельное государство нельзя связать нормой без его согласия. Принципу независимости суверенного государства противоречит "навязывание силою решения, неугодного государству"¹². Из принципа суверенитета исходит также принцип добровольного участия государства в международных соглашениях. "Все дозволенные меры воздействия, — указывает Н.Н. Голубев, — сводятся к возможности посредством логических и практических доводов убедить государства, находящиеся в меньшинстве, отказаться от своей оппозиции и согласиться с большинством"¹³.

Сказанное почти столетие назад до сих пор не потеряло своей значимости. И хотя слово "суверенитет" в силу частого и неуместного употребления его в современных условиях нередко вызывает негативное к нему отношение, нелишне и сегодня обратиться к наследию отечественных юристов, чтобы понять суть юридических терминов и отнестись к ним с должным уважением. Думается, что знание основ теории государственного и международного права современными политическими деятелями во многом предупредило бы столкновения между новыми независимыми государствами.

"Государство, — писал Н.Н. Голубев, — не есть союз, подчиненный международному союзу в каком бы то ни было отношении; если в пределах государственной территории существует высшая государственная власть, простирающая свое господство на все предметы и на все отношения, то современный международный строй не знает ничего подобного". И далее: "Сравнительно с государственным международный союз имеет одну характерную особенность — именно отсутствие отношений подчинения, господства и властвования между членами этого союза"¹⁴.

По убеждению ученого, только государство определяет пределы обязанностей и границы власти его уполномоченных, равно как степень и качество юридических последствий, к которым могут привести действия его делегатов. Последние выступают в качестве носителя суверенной государственной власти. Как правило, они проводники воли государства на международных съездах и конференциях. Иногда делегат может участвовать в формировании воли государства и даже действовать по своему усмотрению. Уполномоченный, выходя за границы своих прав и обязанностей, выражает не волю государства, а свою собственную волю. История знает немало случаев несовпадения воли государства и действий его представителя. Последствия этого нередко были нежелательными не только для одного, но и для многих государств. По названной причине только воля, выраженная делегатом в указанных ему государством пределах и формах, признается волей государства, а вернее – его правительства. Если делегат выражает свой личный взгляд, то он в таком случае действует как частное лицо, и, следовательно, действия делегата не имеют обязательной силы для представляемого им государства¹⁵.

Правоотношения между государством и уполномоченным, а также делегатом анализируются Н.Н. Голубевым детально в аспекте теории государственного суверенитета. В итоге ученый приходит к выводу: "Уполномоченный, получая свои полномочия от главы государства и нося дипломатический характер, является представителем всего государства и действует от лица верховной государственной власти... В отличие от уполномоченного, делегат... представляет правительство данного государства и является его органом, подчиненным правительственной власти"¹⁶. Свои полномочия, таким образом, и делегаты, и уполномоченные получают от высших органов власти своего государства. Это компетенция государства, его внутреннее право. Но с какого же момента начинается действие норм международного права? Как суверенитет государства проявляется в международных отношениях? Ответы на эти вопросы – одна из главных задач юриста-теоретика.

"Каждое независимое государство имеет на съездах свою самостоятельную делегацию"¹⁷. "Допущение всех заинтересованных держав есть одновременно и основное правило справедливости, – подчеркивает Н.Н. Голубев, – и акт политической мудрости, и выражение уважения к праву всякого независимого государства решать самостоятельно все вопросы, в которых оно заинтересовано"¹⁸.

Юридическая природа съезда заключается именно в соотношении правомочий съезда и отдельных участвующих в нем государств. Н.Н. Голубев утверждает: "Общая воля, выражаемая конференцией, есть сумма воль отдельных государств, представленных на съезде"¹⁹. И далее: "Признавая норму, установленную на конференции,

государство признает решение конференции не потому, что оно исходит от конференции как таковой, а потому, что оно совпадает с его собственным решением. Повинуясь решению конференции, государство повинуется никому другому, как самому себе”²⁰.

В международном праве, по мысли Н.Н. Голубева, в отличие от государственного, неизбежно единогласие в принятии решений. ”Воля большинства, — подчеркивает ученый, — не может быть отождествлена с волей конференции и признана юридической нормой для меньшинства”²¹. Более того, ”при наличии одного расходящегося с решением конференции мнения нет решения конференции, а есть лишь решение известного числа государств, представленных на конференции”²². К такому выводу ученый приходит совсем не потому, что он максималист. Н.Н. Голубев юридически точен: из принципа государственного суверенитета логически следует принцип равноправия государств. ”Держава, не согласная с решением большинства, может объявить его для себя необязательным, и в этом случае оно не произведет для нее никаких физических последствий. При отсутствии же протеста со стороны государства предполагается, что оно молчаливо соглашается и пассивно повинуется”²³. И в то же время меньшинство также не вправе навязывать свою волю остальным. ”Несогласия одного государства еще недостаточно, чтобы расстроить состоявшиеся между остальными участниками съезда соглашения. В этом случае съезд лишь не достигает своей цели”²⁴.

По убеждению ученого, конференция, съезд государств не есть единое целое, в отличие от государства. Означает ли это, что Н.Н. Голубев выступает сторонником принципа примата государственного права над международным? Ответ на этот вопрос мы можем найти в изложении взглядов ученого-юриста на систему науки международного права. Он определяет международное право как ”учение о совместной охране права двумя или несколькими государствами”²⁵, которое ”дает только защиту всем тем нормам права, которые не могут быть поддерживаемы волею лишь одного государства”²⁶. Ученый полагает, что ”самостоятельного круга материальных юридических норм, которые принципиально не подлежали бы нормированию со стороны отдельного государства, нет вовсе”²⁷. Получается, что движение нормотворческого процесса происходит в направлении от отдельного государства. Примат государственного законодательства должен пониматься в смысле первоисточника права, в том числе и международного, а не с позиций превосходства его юридической силы.

Интересно с этой точки зрения, что концепция Н.Н. Голубева, согласно которой воля государства, выраженная в международном договоре, является его собственной волей, предвосхитила положение

ние новой Конституции России, согласно которому нормы международного права являются составной частью правовой системы России (ст. 15). Вопрос о том, в каком источнике выражена эта воля – во внутреннем законе или в международном договоре, представляется второстепенным. В этом плане мысли, высказанные Н.Н. Голубевым почти столетие назад, весьма актуальны и сегодня. Нормы международного права могут непосредственно применяться и в России²⁸, нужны лишь дополнения соответствующих отраслей процессуального права²⁹.

Интересны воззрения Н.Н. Голубева на построение системы науки международного права. Как и вся система юридической науки в целом, она должна, по мысли ученого, быть полной и согласованной в своих частях, чтобы каждому институту без труда нашлось подходящее место; соответствовать современному состоянию науки и выдвигать на первый план жизненные проблемы; отличаться простотой, предполагающей сведение всех основных идей к одному высшему началу – ограниченному числу принципиальных положений. Общая часть международного права должна представлять собой оригинальное построение, особенная – содержать перечень всех институтов всех отраслей права, которые находят охрану в международном общении. В общей части обязательно должны освещаться понятие государства, вопросы взаимодействия государств, порядок ведения переговоров, процедуры разрешения споров, а также вопросы организации и деятельности органов международного общения – законодательных и правоприменительных, административных и судебных. Здесь же рассматриваются нормы международного права, которые Н.Н. Голубев подразделяет на три группы: 1) основанные на договоре; 2) опирающиеся на обычай; 3) обязанные своим существованием волеизъявлению отдельных государств.

Особенная же часть, по убеждению ученого, должна воспроизводить систему публичного и частного права, включая международное военное, административное, финансовое, церковное, процессуальное, уголовное, гражданское, торговое (вексельное и морское) права. Как отмечает сам ученый, особенная часть в целом напоминает "книгу с вырванными страницами", а потому важно описание *quasi*-международной регламентации³⁰. Система каждого отдела особенной части международного права является своеобразным повторением каждой особой юридической дисциплины. В принципе, по Н.Н. Голубеву, международное право изучает те же предметы, что и внутреннее государственное право, однако не в поперечном, а в продольном разрезе, не с точки зрения изолированного, конкретного государства, а с точки зрения объединенной охраны нескольких государств. Основная идея международного права, по определению ученого, –

идея мира, замирения, нейтрализации, а потому в этой системе доминирует не война, а мир; основой системы, источником права выступает взаимное соглашение государств, выражающееся в договоре. В этой системе устанавливаются взаимоотношения между суверенитетом и началами международного общения. Система, предложенная Н.Н. Голубевым, в полном объеме, по его словам, никем не применялась. Вполне и всецело она вряд ли могла быть воспринята. Ближе всего подходила к ней система Н.М. Коркунова. Сам Н.Н. Голубев полагал, что к ней применимы термины: "международное устройство" и "международное управление" (Ф.Ф. Мартенс и П.Е. Казанский), "организация и деятельность международного союза" (М.А. Ивановский), "статика и динамика международного права" (М.А. Таубе).

В чем же отличие системы международного права, предложенной Н.Н. Голубевым, от остальных?

Во-первых, в ней особое место отводится не праву войны, а мирному разрешению споров. Н.Н. Голубев признает, что "в этом отношении принципиально неверна одна из самых старых систем международного права: система права мира и войны, проводившаяся хотя бы Гроцием, Гейфефом, Кальво"³¹. По этому вопросу позиция ученого как нельзя больше соответствует принципам современного международного права. Вот, к примеру, что писал ученый, размышляя о путях выхода из мировых конфликтов: "Война не есть юридический способ решения международных споров, она есть простой лишь факт, проявление силы и только... Международное право войны не есть что-либо похожее на процесс. Международное право войны есть лишь продолжение внутреннего государственного военного права: ограничение в международных отношениях применения силы путем правовых ограничений отдельных актов этой системы"³².

Во-вторых, новая система ставит рядом с международным частным правом другие отрасли права; кроме признанных международного гражданского и уголовного права едва ли логично, по мысли ученого, "отрицать наличность и международного административного, финансового и церковного права и опускать их в перечне разветвлений международного права управления, изучаемого в особенной части"³³.

В-третьих, новый подход отказался от применения в международном праве институций *persona, res* и *actio*³⁴. Под объектом международно-правовой защиты ученый понимает интересы нескольких государств в процессе международной общественной совместной деятельности.

Автор новой системы международного права реалистически подходит к своим положениям, отмечая необходимость доказывания положительных свойств ее историко-юридическими фактами. Признавая заслуги Ф.Ф. Мартенса в науке международного права,

Н.Н. Голубев отстаивает необходимость изучения не только истории политического взаимодействия государств, но и истории международно-правовых институтов, то есть юридической истории международного права.

Изложенные юристом новые принципы построения системы международного права позволили Н.Н. Голубеву осмыслить и переоценить процессы и итоги развития международного права XIX века. Он выделяет следующие его характерные черты.

Во-первых, в XIX веке вследствие усиления материальной деятельности государств возрастает число "коллективных международных соединений", имеющих целью достижение всеми цивилизованными народами общих культурных задач.

Во-вторых, "война становится средством воздействия, несоизмеримо сильным и вредным для международного оборота, далеко не компенсирующим те выгоды, которые могут произтечь для тех или иных государств от нарушений мирных сношений народов"³⁵.

В-третьих, признается нормальным порядком состояние мира, наблюдается тенденция для нового правового строя в международном масштабе превратиться в "постоянную всемирную организацию всего человечества"³⁶.

В XIX веке происходит экономическая трансформация нового международного союза. "Пока государство находится на низком культурном уровне и всемирного разделения труда еще нет, — подчеркивает Н.Н. Голубев, — государство не нуждается особо во внешних сношениях, считает возможным обходиться без организованного содействия других государств"³⁷. Это высказывание позволяет полнее представить воззрения ученого относительно теории государственного суверенитета. Н.Н. Голубев никогда не возводил его в абсолют. Ему близка в этом плане позиция профессора Т.М. Яблочкова, преподававшего в Демидовском юридическом лицее и написавшего "Курс международного гражданского процессуального права". "С постепенным развитием международного оборота, — отмечал Т.М. Яблочков в этой книге, — начинает чувствоваться сильное и сильное потребность в объединении прав различных государств"³⁸. С развитием международного общения смягчается "суровость принципа суверенитета"³⁹. На место разобщенных суверенитетов приходит новый юридический союз, характеризующийся, как мыслит Н.Н. Голубев, тем, "что международные споры начинают рассматриваться не как частное дело заинтересованных сторон, а как события, затрагивающие интересы всего международного союза"⁴⁰. В отношениях между государствами начинают преобладать мирные средства разрешения конфликтов, растет протест против применения грубой физической силы, понятие нейтралитета

приобретает положительный смысл, обозначающий уже не пассивность, а активные действия по улаживанию "международных пререканий". И вполне закономерно, как подмечает Н.Н. Голубев, "образование лиг между государствами для предупреждения войны и водворения мира и присутствие делегатов от нейтральных государств в посреднических комиссиях и третейских судах"⁴¹.

Подводя итоги международно-правового развития в XIX веке, Н.Н. Голубев отмечает исчезновение партикуляризма прошлого и уменьшение преобладания одностороннего интереса государства над общими интересами всего человечества. По его убеждению, "новое столетие — самостоятельная и оригинальная эпоха в истории"⁴². Это международные отношения, строящиеся на идее братства культурных народов всего мира.

Н.Н. Голубев поднимает в своих работах также сложный вопрос "о способах установления" международного права. И здесь стоит еще раз вспомнить о его понимании роли государственного суверенитета. Н.Н. Голубев отвергает господствовавшую в то время мысль о том, что международное право есть результат воли суверенного государства, которое ничем не связано с окружающим миром и существующим в нем правопорядком. Ученый проявляет в данном случае большую смелость и самостоятельность в суждениях, для него истина выше авторитета. Ведь теоретическое обоснование международного права как односторонне установленного известным государством для внешних сношений с другими государствами было сформулировано великим Гегелем. По идее русских юристов, подлинным источником международного права является закон, в котором государство признает международно-правовые положения обязательными для регулирования своих внешних сношений. По убеждению же Н.Н. Голубева, такое понимание низводит международное право "на степень внешнего государственного права данной державы"⁴³. В действительности международное право существует не во внутригосударственных нормах и не над государствами, а между государствами. Суверенитет трактуется ученым в качестве основы для взаимного уважения государств.

Многие мысли ученого не потеряли своего значения для характеристики взаимосвязи между различными отраслями права. "То, что называется иногда особенным международным правом, а именно право, регулирующее международные отношения данного государства, — замечает Н.Н. Голубев, — есть в сущности не что иное, как внешнее государственное право этого государства"⁴⁴. Последнее не способно вытеснить право международное. Причем международный договор несколько не умаляет суверенитета государства, оно остается независимым, над ним не возникает внешнего авторитета.

В качестве особенности международного права прошлого столетия Н.Н. Голубев выделяет переход от стадии обычая к договору. Фактический порядок договорных отношений между государствами превращается в юридический, который основывается на принципе правомерности, сознательном применении государствами принципа самоограничения, столь необходимого в интересах международного союза⁴⁵.

Характеризуя новые черты международного права, Н.Н. Голубев не может не обращаться к различного рода концепциям юристов-международников, не откликаться на отдельные события. Почти все его теоретические построения вытекают из анализа как современной практики, так и событий далекого прошлого. Голубева отличают глубина мысли, горячность в полемике, принципиальность, необыкновенная сила личности как ученого. Возможно, все эти качества развились в нем под влиянием как широко известных теоретиков международного права (Ф.Ф. Мартенс, Г. Еллинек, Н.М. Коркунов, П.Е. Казанский, М.А. Ивановский, М.А. Таубе), так и ярославских ученых-международников, преподававших международное право в Демидовском лицее (Т.М. Яблочков, О.О. Эйхельман).

В России международное право преподавалось как одна из самых важных дисциплин. Имелись учебники, курсы лекций, причем преподавалось в большом объеме и международное частное право. Сравнивая положение дел в этом плане в России и Германии, Н.Н. Голубев замечает, что в Германии предмету уделяется очень мало внимания, это "падчерица" среди других юридических и политических наук. Ученый объясняет такое отношение к предмету "необходимостью преследования для Германии милитаристической, империалистической, мировой политики"⁴⁶. Немецкое общество, как замечает Н.Н. Голубев, относится к упрочению начал права в организации международных отношений с некоторым скептицизмом. Даже такие известные университеты, как Гейдельбергский, Лейпцигский, Мюнхенский, не имели профессоров по международному праву. Диссертации же по этому предмету писались под научным руководством профессоров государственного права. Главную же причину пренебрежительного отношения к международному праву ученый видел в стремлении немецкого народа к независимости и "к преобладанию среди других народов"⁴⁷.

В России на достаточно высоком уровне находились и преподавание, и наука международного права, о чем свидетельствует хотя бы эрудированность русских юристов, сумевших по достоинству оценить основные тенденции развития межгосударственных связей (как это сделал, например, Н.Н. Голубев). Небезынтересно в этом плане ознакомиться с позицией ученого относительно различ-

ных концепций, обсуждавшихся юристами прошлого. Например, о теории общественного права.

Упоминание об этой теории встречается еще у Ф.Ф. Мартенса, а также у В.Н. Лешкова, Шпилевского. В центре концепции – мысль о праве частных лиц и общества на ту жизнь и те средства, которыми в государстве совершается развитие, обеспечивается уровень цивилизованного общения. Профессор В.Н. Лешков трактовал общественное право как право личности на развитие посредством пользования общественными установлениями государства⁴⁸. Н.Н. Голубев, выступая с резкой критикой теории, утверждал, что общество не может создать право, особенно международное. Идея, заманчивая для административиста, не может в современных условиях найти закрепление в праве международном, где никак "нельзя обойтись без могущественного и организованного содействия государств"⁴⁹. Ни общество, ни личность, ни союзы лиц не могут быть субъектами международного права хотя бы потому, что они зависят от своих государственных властей в юридическом отношении. В целом же международное право, по словам Н.Н. Голубева, "все более превращается в охрану прав человека по всей земле"⁵⁰.

В ряде работ изложены взгляды ученого на проблему непосредственного действия международного права. Н.Н. Голубев в целом разделяет эту концепцию, но подчеркивает, что "при учреждении третейских судов сторонами все же являются перед судом государства, которые заключают от своего имени компромисс"⁵¹. Оценка им деятельности третейских судов довольно высока. Голубев замечает, что в XX веке возникшая в Европе новая форма третейской юрисдикции со временем превратится в постоянно действующий обязательный институт для всех споров между государствами.

Н.Н. Голубев убедительно доказывает необходимость развития международной юрисдикции. "Только третейские суды, – пишет он, – могут в международных отношениях постановлять окончательные и безусловно обязательные для государств решения..."⁵². Юрист-международник сразу же откликнулся на учреждение Гаагской палаты международного правосудия, поскольку стороны могли обратиться к ней без предварительного порядка образования суда. Хотя рассмотренных Гаагской палатой дел было немного, Н.Н. Голубев полагал, что не надо смущаться незначительностью успехов, "залог прочной организации покоится именно на медленной, но постепенной эволюции"⁵³. Многие авторы, наоборот, видели больше недостатков, чем пользы, в работе Гаагской палаты. В трудах американских и европейских юристов, объединившихся в общество под названием American Society for judicial settlement in international disputes, было высказано немало ценного для усовершенствования

международной юстиции. Так, один из членов этого общества Г. Макфарлан в целях повышения уровня профессионализма и достижения единообразия в производстве дел в Гаагской палате предложил сократить численность ее членов всего до шести государств Европы, США, Японию и Голландию. Судей же из малых государств он предлагал назначать по очереди. Русский юрист высказал сомнения по поводу исключения из суда малых держав, которые, по его убеждению, вряд ли согласились бы впоследствии добровольно обращаться в суд в случае возникновения спора. Поддерживая выдвинутый американским обществом план создания всемирного суда, Н.Н. Голубев в то же время резко выступает против предложения президента США В. Вильсона и госсекретаря Брайана о создании системы международных следственных комиссий, которые, в свою очередь, были введены в Гаагский договор по инициативе России. План Вильсона предусматривал заключение сепаратных трактатов между всеми государствами мира. "Подобные договоры, – заключает Голубев, – могут существовать одновременно с договорами о третейском суде и всемирном верховном суде, и к следственным комиссиям можно обращаться ранее, чем дело будет поручено третейской комиссии или постоянному суду"⁵⁴.

Заслуживает внимания юридическая оценка Н.Н. Голубевым "доктрины Монро". По мнению русского ученого, она представляет собой не более чем личный взгляд бывшего президента США на самостоятельную деятельность испаноязычных государств в Америке, так как воспринявшие в 1856 году доктрину республики не оформили присоединения ни в одном официальном дипломатическом акте, что, следовательно, говорит об отсутствии юридического основания для признания такого соглашения обязательным. А Конгресс США не дал никакой санкции посланию Монро.

Даже краткое описание основных проблем, получивших освещение в многочисленных трудах Н.Н. Голубева, свидетельствует о том, что перед нами крупный специалист в области истории и теории международного права. Написанные живым, ярким языком, работы отечественного юриста служат образцом научных публикаций, они и сейчас могли бы служить учебниками и пособиями по курсу международного права.

В науке не должно быть забытых имен. Каждое поколение юристов вносило свой вклад в развитие международного права, и наш долг – восстановить прошлое, которое и сейчас может значительно расширить наши представления о многих понятиях современного международного права.

- ¹ Голубев Н.Н. Международные конгрессы и конференции. Очерки истории и практики. — Ярославль, 1905. — С. 1.
- ² Там же. — С. 2.
- ³ См. Голубев Н.Н. Система науки международного права. — Б.г., Б.м. — С. 14–15.
- ⁴ Голубев Н.Н. Международные конгрессы и конференции. — С. 5.
- ⁵ Там же. — С. 10.
- ⁶ Там же. — С. 9–10.
- ⁷ Там же. — С. 12.
- ⁸ См. Голубев Н.Н. Система науки международного права. — С. 11.
- ⁹ См. Голубев Н.Н. Международные конгрессы и конференции. — С. 59–60.
- ¹⁰ Голубев Н.Н. Кодификация международного права в Америке. — Б.г., Б.м. — С. 262.
- ¹¹ Голубев Н.Н. Международные конгрессы и конференции. — С. 178.
- ¹² Там же. — С. 220.
- ¹³ Там же. — С. 221.
- ¹⁴ Там же. — С. 219.
- ¹⁵ Там же. — С. 207–208.
- ¹⁶ Там же. — С. 159.
- ¹⁷ Там же. — С. 147.
- ¹⁸ Там же. — С. 137.
- ¹⁹ Там же. — С. 221.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. — С. 222.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. — С. 224.
- ²⁵ Голубев Н.Н. Система науки международного права. — С. 1.
- ²⁶ Там же. — С. 2.
- ²⁷ Там же. — С. 1.
- ²⁸ См. Лукашук И.И. О применении норм международного права судами России//Государство и право. — 1994. — № 2. — С. 106–115.
- ²⁹ См. Голубев Н.Н. Система науки международного права. — С. 2.
- ³⁰ Там же. — С. 3.
- ³¹ Там же. — С. 5.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Голубев Н.Н. Международные административные комиссии XIX века. Очерки теории и практики. — Ярославль, 1908. — С. VII.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Яблочков Т.М. Курс международного гражданского процессуального права. — Ярославль, 1909. — С. 9.
- ³⁹ Там же. — С. 7.
- ⁴⁰ Голубев Н.Н. Международные административные союзы. — С. X.
- ⁴¹ Там же. — С. XI.
- ⁴² Там же. — С. X.
- ⁴³ Там же. — С. XIII.

⁴⁴ Там же. – С. XVII.

⁴⁵ Там же. – С. XIX.

⁴⁶ Голубев Н.Н. Система науки международного права. – С. 28–29.

⁴⁷ Там же. – С. 30. Если сравнивать положение международного права в России XIX – начала XX века, то поражает довольно-таки большое количество имен крупных и даже выдающихся специалистов международного права, объединенных общими идеями, теориями. Высоко было уважение российской юридической общественности к лучшим представителям данной науки. Например, еще в 1909 году на заседании Ярославского юридического общества Т.М. Яблочковым был прочитан доклад на тему "Значение Ф. Мартенса в науке частного международного права".

⁴⁸ См. подробнее Лешков В.Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. – М., 1858.

⁴⁹ Голубев Н.Н. Система науки международного права. – С. VII.

⁵⁰ Там же. – С. IV.

⁵¹ Там же. – С. XI.

⁵² Голубев Н.Н. Международные конгрессы и конференции. – С. 206.

⁵³ Голубев Н.Н. Система науки международного права. – С. 26.

⁵⁴ Голубев Н.Н. Американские проекты всемирного международного суда и следственных комиссий. – Б.г., Б.м. – С. 485.

НЕКОТОРЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

М.А. Сарсембаев*

Независимые государства Средней Азии и Казахстана в полном объеме самостоятельно осуществляют внешнеполитическую деятельность. А существовали ли хотя бы элементы международного права в этом регионе в прошлые столетия?

Анализ международно-правовых отношений в истории Казахстана и Средней Азии следует проводить с начала XV века, потому что именно в этот период начинает складываться государственность народов, и по настоящее время проживающих на территории Казахстанско-Среднеазиатского региона СНГ. Именно с XV века упоминаются народности "казахи", "узбеки"¹.

Государство кочевых узбеков достигает своего могущества при Абулай-хане (1428–1468); образование Казахского ханства относится к 1465–1466 годам. Эти государства, несомненно, были субъектами феодального международного права, так как имели государственный аппарат, ведали самостоятельно, независимо от других государств, как своими внутренними, так и внешнеполитическими делами. Казахские жузы, образовавшиеся во второй половине XVI ве-

* Доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного права Казахского государственного университета.